

Сунь Цэ подходил к Чжоу Юю всё ближе, а его тон становился всё более несерьёзным:

— Пожалуй, я скрепя сердце возьму тебя в жёны, тогда-то ты и привяжешься ко мне раз и навсегда...

Лицо Чжоу Юя в тот же миг помрачнело, глаза расширились, и он со всего маху пнул Сунь Цэ ногой в землю, рывкнув:

— Губы раскатал!

Сунь Цэ ошеломлённо поднял голову и посмотрел на Чжоу Юй. Не успел он и опомниться, как Чжоу Юй развернулся и ушёл, с силой захлопнув за собой дверь. Оставшись в полном недоумении, Сунь Цэ тоже вернулся в свою комнату, совершенно не понимая, с чего это Чжоу Юй так рассвирепел.

В то утро, после ранней трапезы, Сунь Цэ занимался домашними делами и военными отчётами, просматривая доклады от различных армейских подразделений. Когда большая часть бумаг была уже проверена, в кабинет как раз зашла госпожа Сунь в поисках книги. Заметив, что сын и Чжоу Юй оба на месте, она решила призвать их к ответу за вчерашний отказ от приглашения.

Сунь Цэ невозмутимо ответил:

— Военные дела отнимали столько времени, что я даже не успел поесть.

Чжоу Юй молча сидел на коленях в стороне, разбирая доклады. Госпожа Сунь бросила на него косой взгляд, чувствуя, что дело тут не так просто, и снова спросила:

— Однако служанка вернулась с донесением, будто в твоих внутренних покоях не горели ни лампы, ни огонь — словно там никого не было.

Чжоу Юй вздрогнул, бамбуковая планка выскользнула у него из рук и упала на пол. Заметив это, Сунь Цэ многозначительно посмотрел на Чжоу Юй и, опередив его, поднял с пола упавшую планку. С недоброй усмешкой он протянул её Чжоу Юю. Тот изначально не желал отвечать на подобное проявление любезности, но на глазах у госпожа Сунь был вынужден покорно принять бамбук.

Столкнувшись с материнским допросом, Сунь Цэ ничуть не растерялся:

— Масляная лампа как раз догорела, надо было идти покупать новую, вот же совпадение — глазастые служанки как раз это и заметили.

Услышав такое объяснение, госпожа Сунь сочла его вполне правдоподобным и переключила заботу на Чжоу Юя:

— Юй-эр, не простудись, надень ещё одну одежду.

Чжоу Юй поспешно ответил поклоном:

— Благодарю старую госпожу за заботу.

Лишь когда госпожа Сунь удалилась, Чжоу Юй смог облегчённо выдохнуть.

Сунь Цэ бросил на него косой взгляд и с напускным равнодушием спросил:

— Гунцзинь, к чему же так бояться?

Чжоу Юй холодно ответил:

— Недостойно подданного проявлять неуважение к господину, не так ли?

Сунь Цэ презрительно усмехнулся и со скрытым подтекстом произнёс:

— А я-то думал, ты вчера весь вечер пил вино лишь потому, что так возгордился тем пинком, который мне отвесил.

Чжоу Юй опустил голову и, продолжив заниматься военными делами, больше ничего не сказал.

Видя, что Чжоу Юй снова ни во что его не ставит, Сунь Цэ слегка рассердился и, нахмурившись, произнёс:

— Напомню тебе: за вчерашнюю выходку тебя вполне можно покарать по статье о превышении полномочий.

Чжоу Юй мысленно скривил губы, но внешне почтительно ответил фальшивой улыбкой:

— Отвечаю господину: ваш слуга так гордился, что не мог уснуть, вот и пил вино всю ночь.

Сунь Цэ на мгновение замер, а затем громко рассмеялся — до чего же Чжоу Юй был невыносимо прелестен!

— Раз так, составь мне компанию за вином нынче вечером.

В душе Чжоу Юй продолжал про себя крыть Сунь Цэ последними словами, называя его подлым негодяем и бесстыдником. Он искренне жалел, что некогда ослеп и проникся симпатией к столь двуличному фарисею.

Тем не менее, с бесстрастным и холодным видом Чжоу Юй ответил:

— Господин, прошлой ночью я перебрал с вином и хвораю, так что могу лишь с чувством вины отказаться от вашей милости.

Сунь Цэ некоторое время молча смотрел на него, а затем, пропустив вежливый отказ мимо ушей, заявил сам себе:

— Раз Гунцзинь так любит выпить, сегодня вечером я прихвачу хорошего вина и сам зайду к тебе, посмотрим, какова же выносливость у моего младшего брата Гунцзиня.

Чжоу Юй кипел от гнева, но не смел возразить и продолжил разбирать с Сунь Цэ военные дела и просматривать доклады. Сунь Цэ то и дело украдкой поглядывал на Чжоу Юю. Мог ли кто подумать, что этот вечно гордый и прекрасный юноша способен выглядеть столь ущемлённым? Сунь Цэ тихонько радовался про себя: с издевательств над Чжоу Юем его пресная жизнь стала намного веселее.

Проверка

В тот же вечер Сунь Цэ с кувшином вина подошёл к дверям комнаты Чжоу Юя, но дорогу ему преградил Чжоу Хань. Несколько нервничая, он произнёс:

— Господин, если этот слуга скажет, что молодой господин плохо себя чувствует и уже уснул... поверите ли вы, господин?

Нахмурившись, Сунь Цэ прислушался к доносившимся из комнаты звукам циря. Он прекрасно понимал, что Чжоу Юй намеренно вредничает. Взглянув на юное лицо Чжоу Ханя, Сунь Цэ властно бросил:

— А ну, пошёл вон.

Чжоу Хань торопливо поклонился:

— Слушаюсь. Этот слуга плохо себя чувствует и пойдёт спать.

Сунь Цэ толкнул дверь и вошёл. Чжоу Юй как раз играл на цире, но, увидев Сунь Цэ, тут же бросил инструмент и с крайним недовольством громко позвал:

— Чжоу Хань! Чжоу Хань!

Сунь Цэ небрежно прикрыл за собой дверь и с улыбкой произнёс:

— Он сказал, что плохо себя чувствует и уже лёг спать.

Чжоу Юй холодно бросил:

— Раз так, твой слуга тоже собирается отдыхать. Прошу господина вернуться к себе.

Поставив кувшин с вином на стол, Сунь Цэ прижал им лежавшую под рукой у Чжоу Юя карту местности. Он уселся напротив Чжоу Юя и, лукаво усмехнувшись, сказал:

— Сейчас ещё так рано. Гунцзинь играет на цире сам для себя — неужто не может сыграть для меня?

— Если слуга издаст столь жалкие звуки, боюсь, лишь осквернит благородный слух господина.

Лицо Чжоу Юя по-прежнему выражало непробиваемое упрямство. Зная, что тот всё ещё дуетя на вчерашний вечер, Сунь Цэ терпеливо произнёс:

— Я тоже хотел бы кое-чему научиться у Гунцзиня. Не соизволишь ли ты меня поучить?

Чжоу Юй презрительно усмехнулся:

— Боюсь, господин желает нечто большее, чем просто освоить игру на цире.

Сунь Цэ громко рассмеялся и принялся наливать Чжоу Юю вино:

— Признаю, я действительно хочу не только научиться играть на цире, но и послушать мудрые советы и лекарства из уст Гунцзиня.

Взглянув на вино на столе, Чжоу Юй в один миг преобразился — в его голове созрел план. Сменив выражение лица, он с показной лестью поднял кубок:

— Прошу, Юй пьет за здоровье господина.

С этими словами он опрокинул кубок. Сунь Цэ с хмурым видом проследил за тем, как ходит ходуном горло Чжоу Юя. Он пребывал в некотором замешательстве: неужто тот польстил ему лишь для того, чтобы не давать военных советов?

Осушив чашу и заметив помрачневшее лицо Сунь Цэ, Чжоу Юй почувствовал некоторое злорадство и нарочито звонким голосом произнёс:

— О, может, мне сыграть господину пару мелодий? Что изволит послушать господин?

Сделав глоток вина, Сунь Цэ бросил на Чжоу Юя холодный взгляд и произнёс:

— Я вовсе не намерен содержать дармоеда. А всяких музыкантов в поместье и без того хватает, как по-твоему?

В этот момент Сунь Цэ не сводил глаз с профиля Чжоу Юя, а его взгляд был подобен острому клинку, готовому пронзить собеседника.

Опустив кубок и заметив, что Сунь Цэ тоже начал заводится, Чжоу Юй подлил ему вина и неторопливо произнёс:

— Не знаю, о чём именно желает спросить господин?

Видя, что Чжоу Юй пошёл на попятную, Сунь Цэ, напротив, не испытал ожидаемого удовлетворения — ему куда больше хотелось посмотреть, как Чжоу Юй выйдет из себя. Скривив губы в улыбке, он произнёс:

— Я намерен идти на Лиян. Лиян легко защищать, но трудно штурмовать — есть ли хороший способ взять город? Я не хочу нести слишком большие потери в живой силе.

— Достаточно разделить войско для штурма на три отряда. Первый имитирует бегство, чтобы выманить защитников Лияна наружу; второй устраивает засаду на дороге для поддержки; третий заходит в тыл города и атакует. Так город будет взят.

Чжоу Юй развернул карту местности и своими тонкими, узловатыми пальцами указал на неё:

— Прошу господина взглянуть: после начала штурма войска заранее выступают в этот пункт...

Наклонившись, Сунь Цэ внимательно вгляделся в карту рядом с рукой Чжоу Юя и понял, что игра на цире была лишь прикрытием — на самом деле тот изучал местность. Обсуждая дела до глубокой ночи, Сунь Цэ потянулся, сладко зевая, и довольно похлопал Чжоу Юя по плечу.

Не успел он раскрыть рот, чтобы похвалить его, как Чжоу Юй чуть отпрянул назад и почтительно поклонился:

— Благодарю господина за похвалу. Поздняя ночь на дворе, твой слуга намерен отдыхать. Прошу господина вернуться.

Сыграв бровями, Сунь Цэ с игривой усмешкой вдруг бросил:

— Ханжество.

Чжоу Юй надул губы, собираясь возразить, но Сунь Цэ резким прыжком прижал его к кровати.

Напряжённно глядя на него расширенными глазами, Чжоу Юй чувствовал от Сунь Цэ сильный запах алкоголя. Тот склонил голову и вперил в него взгляд, словно охотник, отслеживающий добычу:

— Раз ты мой подданный, разве можешь ты не подчиняться моим приказам?

Скользя взглядом по распахнутому вороту одежды Сунь Цэ, где проступали ключицы и рельефные грудные мышцы, Чжоу Юй чувствовал, как его сердце отчаянно колотится. И всё же он сурово уставился на Сунь Цэ:

— До тех пор, пока речь идет о военных и государственных делах, твой слуга приложит все силы, чтобы разделить заботы господина.

Приговаривая это, Чжоу Юй неожиданно протянул руку к одежде Сунь Цэ, аккуратно застегнул её и прикрыл горло, продолжая:

— А во всём остальном... твой слуга не смеет преступать дозволенное.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, после чего Сунь Цэ счёл происходящее бессмысленным, поднялся и вышел.

Приближалась глухая зима, холодало всё сильнее. С неба падали хлопья снега. Боясь, что Чжоу Юй замёрзнет, Сунь Цэ то и дело приказывал слугам подбрасывать уголь в жаровню, чтобы тот мог согреться. Он также велел доставить из Наньпи дорогой белоснежный плащ из шкур животных. В мгновение ока по всему Цзяндуну поползли слухи: для кого же клан Сунь тратит столь баснословные средства на изготовление такого плаща?

В вечер кануна Нового года кланы Сунь и Чжоу собрались вместе на праздничный банкет. Чжоу Юй и Сунь Цэ опоздали. Сунь Цэ, желая сидеть рядом с Чжоу Юем, как прежде, уже протянул руку, чтобы схватить его за рукав, но тот демонстративно развернулся и уселся рядом со своей матерью, полностью игнорируя Сунь Цэ.

После окончания пира Сунь Цэ выглядел не слишком довольным. В этот момент оба клана собрались на прогулку по празднику фонарей, но Чжоу Юй сослался на срочные военные дела и поспешил вернуться во внутренние покои. Едва Чжоу Юй скрылся, как Сунь Цэ попытался заявить то же самое, но госпожа Сунь велела схватить его и запретила двигаться.

С легким раздражением в голосе госпожа Сунь прямо заявила:

— В эту новогоднюю ночь мой сын не хочет составить компанию ни старой матери, ни твоему младшему брату, так что, ему ещё и военными делами заниматься?

Не имея выбора, Сунь Цэ послушно отправился любоваться фонарями вместе с матерью и шустрым братцем Цюанем. А Чжоу Юй тем временем действительно сидел в комнате и со всей тщательностью занимался военными отчётами. Чжоу Хань прислуживал рядом и, заметив, что лицо молодого господина на редкость помрачнело, вдруг осведомился:

— Молодой господин, если вы устали, этот слуга может составить вам компанию и побродить среди фонарей...

Чжоу Юй покачал головой и коротко бросил:

— Не нужно. Слишком много донесений, надо разобрать всё до прихода весны.

Чжоу Хань надул губы:

— Наверное, молодому господину вовсе не хочется общества этого слуги, а хотелось бы общества господина...

У Чжоу Юя разболелась голова — он совершенно не знал, что сказать этому ещё не познавшему жизни личному слуге. Бросив на Чжоу Ханя суровый взгляд, Чжоу Юй предостерёг:

— Всё совсем не так, как ты думаешь. И больше нигде не смей болтать о том, что сейчас ляпнул.

Видя, что молодой господин соизволил обратить на него внимание, Чжоу Хань с улыбкой ответил:

— Молодой господин, у вашего слуги язык за зубами держится крепче всего.

Чжоу Юй подошёл и потрепал Чжоу Ханя по голове со спокойной улыбкой. Тот же продолжил допытываться:

— И всё же мне ужасно любопытно...

Оглянувшись и убедившись, что снаружи никого нет, Чжоу Хань опасливо поддался вперёд и шёпотом спросил:

— Молодой господин, неужто вы и впрямь... я имею в виду... двое мужчин...

Чжоу Юй отмахнулся, что можно было истолковать и как молчаливое согласие, и как приказ прекратить болтовню. Чжоу Хань улыбнулся:

— Молодой господин, как же вам трудно втайне отдавать столько сил, когда господин совершенно ничего не замечает. Но разве не станет чуточку радостнее от одной лишь возможности находиться рядом с любимым человеком?

— Станет... — мысленно оборвал себя Чжоу Юй. Теперь, когда они связаны узами господина и слуги, вести себя так же непринужденно, как раньше, уже нельзя. И всё же сейчас ему казалось достаточным уже то, что он может просто находиться рядом и любоваться его бравым и лихим видом.

Слова уже вертелись на языке, но Чжоу Юй замолчал — продолжать было нельзя. В конце концов, стоявший перед ним с наивными глазами Чжоу Хань всё ещё оставался подростком, и не стоило вести с ним разговоры о недетских вещах.

В этот момент обитатели поместья Сунь вернулись и разошлись по своим дворам. Сунь Цэ и Чжоу Юй теперь жили в одном дворе, и в комнате Сунь Цэ тоже зажглась масляная лампа, мгновенно осветив всё вокруг.

Чжоу Хань приподнялся на носочки и огляделся:

— Молодой господин, кажется, я вижу, что господин вернулся.

Совершенно не интересуясь этим, Чжоу Юй продолжал разбирать доклады:

— Пофиг. Какое мне дело.

Чжоу Хань снова обернулся:

— И похоже, с ним женщина.

Рука Чжоу Юя на мгновение замерла, но он тут же продолжил писать:

— Прекрасно.

Однако в действительности Сунь Цэ уже стоял на пороге. Как бы Чжоу Хань ни пытался привлечь внимание Чжоу Юя, тот упорно отказывался поднять голову. Не найдя иного выхода, слуга поднялся на ноги и громко поприветствовал вошедшего:

— Этот слуга приветствует господина.

С недовольным видом Сунь Цэ бросил:

— Ступай спать.

Чжоу Хань поспешно поклонился:

— Слушаюсь.

Подняв голову, Чжоу Юй в испуге открыл рот, но тут же захлопнул его, лишившись дар речи. Почему же этот Чжоу Хань не предупредил его, что Сунь Цэ уже пришёл в комнату? Судя по всему, тот был зол из-за того, что Чжоу Юй полностью проигнорировал его и не выказал никакого уважения. Что же делать, если теперь он, будучи господином, чувствовал себя не в своей тарелке?

На губах Сунь Цэ застыла холодна ухмылка. Скользнув взглядом по Чжоу Юю сверху вниз — от глаз до ворота одежды, — он с упрёком произнёс:

— Не думал я, что Гунцзинь лишь на словах почтителен со мной, а за спиной ни во ни ставит.

Поняв, что Сунь Цэ всё слышал, Чжоу Юй покрылся холодным потом. Сунь Цэ внимательно посмотрел на стол, где Чжоу Юй разбирал дела, и, несколько смягчив тон, с лёгкой усмешкой произнёс:

— Гунцзинь неизменно прилежен и усерден.

Поспешно уняв внутреннее волнение, Чжоу Юй подскочил, чтобы помочь Сунь Цэ снять плащ, смахнул с него снежные крупы и почтительно произнёс:

— Ваш слуга виновен в том, что не встретил прибывшего господина вовремя. Даже занимаясь государственными делами, нельзя выказывать неуважение к старшим по положению.

Нахмурившись, Сунь Цэ посмотрел на Чжоу Юя. На лице того не было ни единой эмоции, однако слова резали словно нож. Усевшись на циновку перед рабочим столом Чжоу Юя, Сунь Цэ с игривой ноткой в голосе произнёс:

— До чего же ты забавный человек. На людях ты не даёшь мне спуска, всячески

перечиняешь, а стоит нам остаться вдвоём, как ты пускаешься в лесть. Никак не пойму тебя.

Усевшись не слишком удобно, Сунь Цэ чуть откинулся назад, согнув левую ногу и опустив стопу на пол, а левую руку небрежно положил на колено, позволяя телу расслабиться. Правой рукой он подхватил винный кувшин и наполнил чашу, из которой пил Чжоу Юй.

Бросив косой взгляд на эту позу Сунь Цэ, Чжоу Юй, стоявший рядом, невольно заглянул сверху вниз. Из-за распахнутого ворота одежды Сунь Цэ отчётливо проступали ключицы, а если заглянуть чуть глубже, взору открывались рельефные грудные мышцы, отчего лицо само собой заливалось краской, а сердце учащало биение. И всё же, каким бы прекрасным ни был Сунь Цэ, в конце концов он оставался амбициозным и бессердечным правителем. Что, если он увязнет в этом с головой?..

Сунь Цэ единым глотком осушил вино из кубка, из которого пил Чжоу Юй. Заметив столь двусмысленный жест, Чжоу Юй покраснел ещё сильнее и воскликнул:

— Господин, неужто у вас есть дело, которое нужно обсудить с вашим слугой?

Взглянув на Чжоу Юя, Сунь Цэ указал пальцем на сиденье перед собой. Чжоу Юй покорно опустил на стул, а Сунь Цэ с насмешливой улыбкой произнёс:

— Мало того, что ты, будучи подданным, игнорируешь меня, так ещё и требуешь, чтобы я отвечал на твои вопросы первым?

Чжоу Юю пришлось отвечать скрепя сердце:

— И при дворе, и вне его твой слуга неизменно почтителен с господином.

Выражение лица Сунь Цэ оставалось совершенно бесстрастным, казалось, он вовсе не уловил смысла слов Чжоу Юя. Допив остатки вина из кубка и собираясь сменить тему, он вдруг вновь затянул неторопливую, бархатистую речь:

— Тот разговор в ту ночь о том, как заставить тебя пойти за мной до конца... ты ведь всё ещё держишь на меня обиду?

Старые застарелые хвори

Подняв голову, Чжоу Юй с лёгкой насмешкой произнёс:

— Неужто господин теперь намерен дать объяснения столь славному поступку?

Сунь Цэ внезапно подался вперёд и двумя тонкими пальцами крепко сжал подбородок Чжоу Юя. Глядя на него сверху вниз, он холодно бросил:

— А ты и впрямь мелочен.

Наслаждаясь обиженным выражением лица Чжоу Юя, чью челюсть он прижал к себе, Сунь Цэ испытывал неизъяснимую радость при виде того, как этот красавец хмурится и распахивает глаза.

В душе Чжоу Юй кипел от негодования: это я мелочен или ты ведёшь себя несерьёзно?!

Заметив, что Чжоу Юй молчит и никак не реагирует, Сунь Цэ некоторое время сверлил его

взглядом, после чего отпустил. Снова наполнив чашу, он протянул её Чжоу Юю со словами:

— Гунцзинь, взгляни на это вино в кубке. Если оставить его нетронутым на ночь, на следующий день его станет меньше.

Взяв чашу, Чжоу Юй опустил глаза и увидел в вине лишь отражение собственного лица.

А Сунь Цэ многозначительно добавил:

— Но если выпить его до дна, оно уже не убудет само по себе.

Выслушав это, Чжоу Юй запрокинул голову и осушил кубок до дна, после чего прикинулся дурачком:

— Глубокий смысл слов господина недоступен твоему слуге.

Сунь Цэ холодно усмехнулся:

— А Гунцзинь подобен вину в этом кубке.

Чжоу Юй молчал. Поднявшись на ноги, Сунь Цэ с улыбкой произнёс:

— Ложись пораньше. Послезавтра мы выступаем в поход.

Проводив взглядом удаляющегося Сунь Цэ, Чжоу Юй снова опустил глаза на кубок. На дне не осталось ни единой капли, однако гладкие стенки сосуда всё ещё словно мерцали крошечными искорками влаги.

Рано утром следующего дня Чжоу Юй отправился засвидетельствовать почтение госпоже Сунь и собственной матери. На выходе он неожиданно столкнулся с тем, что у главных ворот Сунь Цэ беседовал с какой-то женщиной. Их поведение было весьма интимным: наряд женщины выдавал в ней отнюдь не девушку из порядочной семьи — скорее уж обительницу увеселительного дома. Они о чём-то весело болтали, и женщина даже держала Сунь Цэ под руку. Лишь после того, как беседа завершилась...

Сунь Цэ проводил гостью долгим взглядом и лишь затем вернулся в поместье. Заметив Чжоу Юя, они встретились взглядами. Хотя Сунь Цэ остановился, на его лице не дрогнул ни один мускул. Чжоу Юй, стоя в отдалении, исполнил перед Сунь Цэ полный комплекс поклонов, полагающихся по чину.

После этого Чжоу Юй, не сказав ни слова, прижал руку к груди и поспешно удалился. Чжоу Хань в растерянности последовал за ним. Чжоу Юй шёл всё быстрее, так что слуге приходилось почти бежать, чтобы не отстать. Сунь Цэ хмуро и молча смотрел ему вслед.

Небо внезапно озарилось вспышками молний и раскололось раскатами грома, а спустя мгновение хлынул ливневый дождь. Чжоу Юй не успел дойти до спасительного навеса своей комнаты всего на один шаг, и водяной поток вымочил его с ног до головы. Лицо Чжоу Юя помрачнело ещё сильнее, и Чжоу Хань торопливо завёл его в комнату переодеться.

Сделав пару сухих кашляющих звуков, Чжоу Юй почувствовал сильнейшую слабость во всём теле. Встревоженный Чжоу Хань тут же предложил:

— Может, позвать лекаря, молодой господин?..

— Кажется, старая болезнь дала о себе знать. Не поднимай шума.

В ту же ночь Чжоу Юю снова приснился Сунь Цэ. Вокруг простиралась пелена белого тумана; Чжоу Юй сидел под деревом, обмахиваясь веером, а Сунь Цэ, проезжая мимо верхом на коне, самодовольно заявлял:

— Когда я завоюю Цзяндун и даже все Центральные равнины, ты будешь стоять выше десяти тысяч человек, уступая лишь мне одному!

Сладко улыбнувшись, Чжоу Юй тихо прошептал:

— Мне не нужно стоять выше десяти тысяч человек, я хочу лишь, чтобы ты был в безопасности.

Сунь Цэ ничего не знал о застарелой болезни лёгких и сердца у Чжоу Юя. Вот уже несколько дней Чжоу Юй не показывался на улице, а Сунь Цэ не заглядывал к нему, из-за чего во всём поместье Сунь решили, что они в ссоре.

Ранним утром, когда Чжоу Юй всё ещё хворал, в его комнату внезапно ворвалась госпожа Чжоу со слезами на глазах:

— Сынок, дай матери взглянуть на тебя!

Преодолевая себя, Чжоу Юй приподнялся на локте:

— Приветствую матушку.

Чжоу Хань поддерживал его, а госпожа Чжоу уже готова была разрыдаться:

— О сынок мой, до чего же ты измучен! Как же тебя угораздило так сильно заболеть?

Чжоу Юй бросил на Чжоу Ханя уничтожающий взгляд, в котором читалось лишь одно: «Болтун!».

— Матушка, вы ведь не сказали об этом батюшке? — с беспокойством спросил Чжоу Юй.

Госпожа Чжоу покачала головой:

— Разве можно говорить отцу? Он и так занят набором войск... Ах... Сынок, неужто господин плохо к тебе относится? Если тебя обижают, я скажу твоему отцу, пусть поищет другого правителя!

Чжоу Юй промолчал. Видя, что сын всё ещё не одумался,

госпожа Чжоу тяжело вздохнула:

— Сынок, мы с твоим отцом растили тебя одного, ты у нас единственный сын. Если с тобой что-то случится, матери тоже не захочется жить!

Внезапно сменив тон, Чжоу Юй ответил с лёгкой прохладцей:

— Не то чтобы сын не желал искать иного пути. Но ныне Поднебесная в смуте: император мёртв, бунтовщики под предводительством Чжан Цзяо подняли восстание жёлтых повязок, Дун

Чжо и Юань Шао поделили земли каждый сам по себе, а Цао А-мань, жестокий и безжалостный, зарится на императорский престол. У сына нет иного выбора, кроме как служить клану Сунь из Цзяндуна.

Госпожа Чжоу со вздохом произнесла:

— Ох... Твой отец говорит то же самое. Но сынок, хоть ты теперь и дуду, в конце концов, вы с господином больше не побратимы, как прежде. Теперь между вами отношения господина и подданного, вы отделились друг от друга. Мать боится, что ты по неосторожности прогневаешь господина, и тогда...

Глядя на готовую расплакаться мать, Чжоу Юй почувствовал укол совести и вины перед ней. Прямо заявив:

— Всё, о чём говорит матушка, сын понимает яснее ясного. Прошу матушку не тревожиться и не говорить лишнего батюшке, у сына есть свой выход.

Когда госпожа Чжоу ушла, Чжоу Юй попытался встать и одеться, но Чжоу Хань тут же бросился наперерез:

— Молодой господин, вы что, жить надоело? Вам только-только полегчало, а вы уже на улицу собираться!

Чжоу Юй ответил:

— Если я не выйду сейчас, мы с тобой вместе ляжем в могилу ждать смерти. Не мешай мне.

Одевшись и приведя себя в порядок, Чжоу Юй направился в покои госпожи Сунь. Там он усердно кланялся, играл на цире и всячески угождал ей, доставив старушке немало радости. Так продолжалось несколько дней подряд — ровно до тех пор, пока Сунь Цэ, освободившись от военных дел, не прибыл засвидетельствовать почтение матери.

Увидев Чжоу Юя, Сунь Цэ испытал некоторую радость. Застав его за игрой на цире перед матерью, он совершенно не понял, что бы это могло значить.

<http://bllate.org/book/22340/2340630>